

Полина Вилюн

Упрямыцы

Совместить несовместимое

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полина Вилюн

Упрямцы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вилюн П.

Упрямыцы / П. Вилюн — «ЛитРес: Самиздат», 2020

У всего на свете есть вторая половинка, единственная и неповторимая. Упрямая и своенравная. Совершенно не склонная считать себя всего лишь частью какого-то гипотетического целого. Наделённая же свободой воли и взрывным характером, такая половинка может заставить нервно курить всю Небесную Канцелярию. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Ирка с самого утра находилась в разобранном состоянии. В заурядном договоре с банком об оказании каких-то бытовых услуг внезапно где-то между строк оказался прописан кредит, первый платёж по которому только что автоматически списался с Иркиного тощего счёта.

Ирка предвидела войну, короткую и кровопролитную, этакий блиц-криг, из которого она по всем раскладам должна была выйти победителем. Все жалобы во все возможные инстанции были накатаны и отправлены, все соцсети были оповещены о случившихся вероломстве и подлости, и кипели от возмущения и сочувствия (с десятков мудаков, обозвавших её, Ирку, лохом, и заявивших, что «так ей и надо», строем отправились в бан), но сил просто сесть и спокойно ждать наступления высшей справедливости не было.

Хотелось действия. Хотелось ворваться в банк с плакатом, обличающим мошенников, и съёмочной группой, и слить всё веселье в ютьюб. Хотелось гласности и свободы слова. Хотелось орать.

Нестерпимо хотелось яркого, стремительного и неотвратимого возмездия – Ирка покосилась на приоткрытое окно, но все Бэтмены явно водились одним материком левее, а в окне обнаружился только пожилой дворник Савельич и кафе напротив, предлагающее каждую третью кружку жидкого гудрона, который они почему-то почитали за кофе, бесплатно. Героев на горизонте видно не было.

Ирка жила одна. Она была сильной и самостоятельной женщиной, и защитить её было некому.

Ирка оделась и, решительно хлопнув дверью, вышла в наружу. Наружа встретила её порывом ветра, который запросто мог бы оторвать и унести с дорожного полотна бетономешалку, полную бетона, не то, что субтильную Ирку. Но злость придала Ирке веса, и, врубаясь подошвами кроссовок в асфальт, она против ветра прошагала добрых полтора километра до центра, где её ждало кафе с нормальным кофе и булочкой с корицей.

Чувствуя себя немножко ледоколом и даже чуточку этим гордясь, Ирка вступила в царство тепла и вкусных запахов.

Булочка с корицей всегда умело справлялась с Иркиными невзгодами. Гораздо круче психолога, который после Иркиных визитов сам начинал остро нуждаться в терапии. Булочка не нуждалась ни в чём. За полчаса она примирила Ирку с неприглядной реальностью, ещё за полчаса – убедила, что всё не так уж плохо, а даже и хорошо. Рассказала, что Ирке давно уже была необходима встряска и выход из зоны комфорта. И что это, собственно, оно, – шанс на личностный рост, новые цели, преграды и рубежи, преодолев которые, Ирку настигнет наконец счастье и постигнет дзен. И это чистое незамутнённое добро, а вовсе никакой не ужас-ужас.

Прихватив с собой бумажный стаканчик с кофе, окрылённая Ирка валькирией выпорхнула из кафе навстречу стрессу, встряске и дискомфорту.

Клавдюшкина всегда защищали сильные и самостоятельные мама и бабушка. Сам он этого не умел. Поэтому, когда дверь кафе, сверкнув стеклом аки молния, сначала распахнулась прямо мирно идущему домой Клавдюшкину в лоб, а потом приняла его в свои объятия, обдав водопадом мелких неколких осколков вперемешку с горячим кофе-на-вынос, Клавдюшкин не был к этому готов. Он сначала растерялся, потом обиделся, а потом, когда кофе прожёт костюм, бельё и добрался до нежного Клавдюшкинского нутра, взвыл хоть и матерно, но очень жалобно.

Женщины в немного разобранном состоянии могут быть очень опасны, прежде всего, для самих себя. Иначе чем ещё можно объяснить то, что крохотная Ирка, едва достигающая в прыжке метра шестидесяти пяти и весившая практически ничего, волокла на себе почти двухметрового мосластого жалобно причитающего Клавдюшкина к Клавдюшкину же домой. Лечить нанесённые телу и самолюбию раны.

После того, как мелкие порезы лица и рук под негромкое шипенье Клавдюшкина были залиты перекисью водорода, встал вопрос, что делать с довольно обширным и довольно стыдным ожогом в самой середине Клавдюшкина, который Клавдюшкин, снабжённый бабушкиным воспитанием и маминими принципами, целомудренно спрятал под полотенцем и наотрез отказывался показывать Ирке.

Глава 2

У Ирки никогда не получалось запомнить, чем можно мазать ожоги, а чем ни в коем случае нельзя.

– Хэлло, Гугл! – сказала Ирка.

– Хэлло, Ирка! – радостно отозвался Гугл.

– Чем бы намазать ожог от горячей жидкости? – поинтересовалась Ирка.

– А что если подставить обожжённое место под струю холодной воды и держать, сколько терпения хватит? – предположил Гугл.

– Попробуем, – покладисто согласилась Ирка, и Клавдюшкин понёс показывать своё стыдное место крану с холодной водой.

– Фыр! – сказал кран и презрительно чихнул на Клавдюшкина эталонно рыжей ржавчиной.

Клавдюшкин сник, но Ирка не привыкла так легко сдаваться. При беглом осмотре холостяцкой берлоги Клавдюшкина, в холодильнике было обнаружено несколько двухлитровых бутылей с водой.

– Лей! – скомандовал Клавдюшкин, а потом поспешно добавил, – только отвернись сначала!

– Было б на что смотреть, – обидно осклабилась Ирка, но всё-таки отвернулась и даже честно не подглядывала.

Терпения хватило на три бутылки.

Только потом, сильно позже, Иркину голову посетила мысль, что беззащитный и жалобный, как новорожденный щенок, Клавдюшкин оказался на поверку хитрым пройдохой. Мог ведь вполне и сам поливать холодной водой свои стыдные прелести, руки же ему не оторвало. А сердобольной Ирке, разобранной с утра, да ещё и чувствовавшей свою вину за содеянное, в какой-то момент полностью отрубил мышление и здравый смысл.

Смеялись. Мазали Клавдюшкина народными и аптечными средствами. Сначала чуть-чуть, потом размашисто, от души, не жалея средств. Ирка бегала в аптеку «за ещё».

Потом сидели на кухне, пили чай. Ирка – с медом, Клавдюшкин – с ибуметином. Ну, как сидели, – Ирку целиком проглотило глубокое кресло, оставив снаружи только голову и немножко рук, кружку держать, а Клавдюшкин, широко раскинув свои костистые ноги и как бы пытаясь обнять собой кухню, мостился самым краем обоих полупопий на углу высокого и нелепого дизайнерского табурета, шаткого даже на вид. Клавдюшкину было неудобно. (Гугл считал, что слово «удобно» будет неприменимо к Клавдюшкину ещё пару дней в самом лучшем случае. Про худший случай Гугл решили не спрашивать).

В какой-то момент Ирка вдруг осознала себя в чужой квартире наедине с незнакомым полуголым мужиком и решила, что, выходя так далеко из зоны комфорта, нужно обязательно разматывать за собой ниточку, чтобы найти дорогу назад, если в новой жизни вдруг не понравится. И послала папе смс с адресом Клавдюшкинской квартиры. Так, на всякий пожарный. Обеспечив себе какой-никакой тыл, Иркино сознание успокоенно вздохнуло и безвозвратно утонуло в теплых глубинах кресла.

Вернулось сознание утром.

С трудом продрав глаза, Ирка заключила, что стресс и перспективы личностного роста способны скосить неподготовленную женщину гораздо вернее, чем водка с пивом. Собирая

хаотично раскиданные по малюсенькой комнате вещи и огибая попутно торчащие из простыней вездесущие Клавдюшкинские ноги, Ирка подобрала выпавший из брюк бейджик.

А ведь так и не познакомились вчера, – подумала Ирка, – на личности не переходили, вдруг оказалось, что местоимения «ты» вполне достаточно для полноценного общения.

– Клавдюшкин И. – доверительно поведал Ирке бейджик, блестя ламинированным бочком. – Самый Главный по Кредитам в Том Самом Банке, в котором у тебя, Ирка, дура набитая, теперь завелся и подрастает здоровенький и крепенький кредит. И, пониже, размашистая подпись, которую Ирка уже однажды видела и накрепко запомнила – такую витиеватую загогулину и захочешь забыть – не сразу получится.

От хлопка входной двери содрогнулись стёкла в дорогих стеклопакетах, подпрыгнул стоявший на столе тонкостенный итальянский стакан и спавший счастливым сном честного человека Клавдюшкин.

Сука! – вопили на Клавдюшкина с зеркала косматые чёрные буквы. Классики с красной помадой не получилось, так как из писчих принадлежностей в сумочке у Ирки обнаружилась только тушь.

– Так даже страшнее, – решила Ирка.

– Хорошо, не убила, – подумал, окончательно проснувшись и обнаружив послание, Клавдюшкин, – а ведь могла во сне и подушкой придушить. Славная всё-таки женщина, – заключил он и поплёлся отмывать зеркало.

Глава 3

Ирка ворвалась в размеренные Клавдюшкинские будни, как сигнальная ракета в чёрную южную ночь – где-то грохнуло, жажнуло, всё враз залило цветным светом – и бесследно растворилось в окружающей темноте, оставив в глазах мельтешение ярких точек. Клавдюшкин был с детства привычен к своей ночи, неплохо в ней видел и ориентировался, особенно не переживал по поводу отсутствия света, а тут вдруг как ослеп. Разом. Раньше вокруг была темнота, а теперь вдруг не стало совсем ничего.

Ирка ушла, и через прореху, оставленную ей в мироздании, ушла Клавдюшкинская прежняя жизнь.

Клавдюшкин, не привыкший к неожиданностям и не знающий, как на них правильно реагировать, на всякий случай загрузил. Прибрал дом, помыл посуду, позвонил на работу, взял больничный, обещал зайти предъявить врачу свои травмы и принести справку. Работа была согласна отпустить И. Клавдюшкина и так, без справки. Работа даже посоветовала Клавдюшкину недельку отлежаться, благо не выбранных за год отгулов у него накопилось на некрупный отпуск. Клавдюшкин поблагодарил работу и повесил трубку.

Потом долго сидел напротив зеркала, вспоминал чёрные косматые буквы, водил пальцем по стеклу. Жалел, что стёр. Жалел, что не узнал ни имени, ни адреса, ни номера телефона. Не понимал, где искать. И как. И надо ли. Недоумевал, чем провинился. Иркино появление породило в Клавдюшкине больше вопросов и сомнений, чем предыдущие десять лет его жизни.

Пока Клавдюшкин грустил, его работа получала за него по шапке от Всяких Важных Инстанций и от Ирки лично. Иркин платёж вернулся на родной счёт, невесть откуда взявшийся кредит был аннулирован с извинениями и пламенными заверениями, что «больше никогда» и «виновные понесут заслуженное наказание». Ирка была в меру кровожадна и решила, что виновные, пожалуй, уже понесли всё, что были способны вынести. Смиловилась. Победно улыбнулась. И ушла.

Казалось бы, в этот момент пути Ирки и Клавдюшкина, нечаянно столкнувшиеся на мгновение, снова начали медленно, но неумолимо расходиться в разные стороны...

Ирка состояла сплошь из вихров, веснушек и ехидства. Она не просто была остра на язык, её языком можно было резать металл и плавить камень. Вихры – каштановые, дикие, всегда были настроены против. Из принципа. Стояли насмерть. С ними можно было либо сми-

риться, либо снять под ноль, что Ирка периодически и грозилась сделать. Веснушки же были крошечными, тёмно-коричневыми и очень интеллигентными. Собственно, они – это всё, что было интеллигентного в Ирке.

В отличие от Клавдюшкина у Ирки не было ни мамы, ни бабушки. Ирка с самого детства жила с папой. Папа воспитывал её сообразно с тем, как в его представлении выглядели гипотетические воспитанные девочки. Баловал, как умел. Иркины Аленькие цветочки принимали причудливые формы, часто хищные и плотоядные – дочкин террариум был предметом жгучей зависти городского зоопарка. Ирка клянчила анаконду, папа возражал, что такому зверю нужны вода, простор и движение, а у них дома уже есть один зверь, которому нужны простор и движение – и это папа.

К двадцати пяти годам Ирка умела вполне сносно стрелять – из духовой трубки, рогатки, пращи, воздушки и папиного пистолета, в том числе и по движущейся мишени, неплохо читала следы, метала ножи и дротики. Говорила на языке зверей – могла заклясть кобру, переубедить барана, взглядом и парой слов вернуть любой пьяной скотине человеческий облик. Однажды папа случайно забыл её одну на даче и уехал в командировку. Пятиклашка Ирка решила, что папа подарил ей праздник. Неделю выживала по принципу «богаты, чем Бог послал», добрый Бог послал чай в пакетиках, воду в колонке, плохо огороженные огороды вокруг и гостеприимную соседку.

Мастерски мухлевала в карты. Изобретательно материлась. Случись война, иметь на своей стороне одну Ирку было бы если не полезнее, то точно веселее, чем десяток половозрелых мужчин-айтишников с виртуальным БФГ наперевес. Ирка с реальной рогаткой была куда убедительнее.

При всей своей нечеловеческой крутости Ирка была потомственной женщиной – визжала и лезла на стол при виде мыши (кормление той части Иркиного террариума, в чей рацион входили мыши, автоматически легло на папины широкие плечи. Вместо анаконды), падала в обморок при виде крови, и в тяжелые армейские ботинки или кроссовки носила розовые носочки с единорогами. Природа иногда приходила и брала своё.

Глава 4

Из прострации Клавдюшкина выдернул стук в дверь. Всем своим естеством он устремился на звук, уже рисуя в воображении вернувшуюся Ирку, но вчерашний кофе сработал как агент «оранж» в джунглях Вьетнама – верхний слой Клавдюшкина под его воздействием уже осыпался, а открывшаяся нежная мякоть была ещё очень ранима. Поэтому вместо того, чтобы метнуться к двери одним прыжком, как гордый гепард, пришлось позорно скакать хромым козликом. Не удосужившись заглянуть в глазок, Клавдюшкин рванул дверь на себя.

За дверью обнаружился здоровенный хмурый амбал.

– Григорий, – представился амбал, и, подвинув Клавдюшкина плечом, прошёл мимо него в квартиру.

– Иван, – запоздало ответил на приветствие Клавдюшкин.

– Иван, значит. Ну что ж, хорошо, – амбал окинул два метра Клавдюшкина оценивающим взглядом и угнездился в том кресле, которое вчера занимала Ирка, – ну, рассказывай... Иван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.